

В 1990-1991 гг. Он был во главе кавалькады отечественного кинематографа. Правда, по сравнению с другими «рысачками» Евгений Матвеев старался быть менее агрессивным и более сдержанным в оценках творчества своих собратьев. С народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий Союза и России беседует наш корреспондент.

Еще совсем недавно имя Матвеева гремело на всю страну. Им восхищались, его любили, завидовали популярности и ненавидели за успехи. И вдруг...

— Что же произошло, Евгений Семенович? Почему сейчас, когда в нашу жизнь вошла гласность, когда появилась у художника возможность говорить в полный голос, вы замолчали? Неужели вам нечего сказать с экрана?

— Я себя загнал. Сколько помню, всегда работал. И в любое дело вкладывал душу. Как актер рвал себя в клочья, мои герои были страстными, верующими и отдающими себя до конца. Почти все роли, сыгранные мной, были на высоком градусе эмоций.

Если можно обо мне говорить как об общественном деятеле, то и здесь я был неутомим. Страдал за людей, боролся с несправедливостью. И вот так жил много-много лет. И как актер, и как режиссер, и как педагог. Все это меня испепелило. Нужно было остановиться, обратиться к самому себе, понять, что же происходит внутри меня. Холодный художник—это не художник. Теперь, немного отдышавшись, чувствую, что дотла я не сгорел, я не огарок. Так что загнанных лошадей надо подождать отстреливать.

— Вы остановились, одумались, что-то переоценили, когда же дальше в путь?

— А ты знаешь, пожалуй, остановки и не было. Просто был поиск. Поиск применения своих возможностей, согласно новой жизненной ситуации. Я кидаясь то в одну, то в другую сторону. Ищу то, что хотел бы выразить как режиссер. И сейчас твердо знаю, что хочу сказать. Хотя думаю, что это будет непопулярно. Я за чистоту человеческих отношений, высокую нравственность, искренность. Хотел бы на экране показать гармонию человеческих отношений, сильных духом, красивых людей. Такие люди есть среди нас.

Намерения художника создать положительный образ сегодня воспринимается чуть ли не как насмешка. Сегодня герои экрана это, как правило, проститутки, гомосексуалисты, рэкетеры, в общем — антигерои. А людей, на которых можно было бы равняться, брать с них пример, ориентироваться на них, — нет. Соцреализм дискредитировали как страшное явление в нашей культуре. Хотя, очевидно, я в нем ничего дурного не нахожу. Более того, считаю, что именно там было то прекрасное, что можно выразить в жизни, человеке.

К сожалению, такого материала на сегодняшний день у меня нет. Все это главное прорывается в публицистических статьях, но публицистика не искусство, не материал для кино. Искусство — образ художественный, а экранизировать статьи я еще не научился.

До какой степени наша жизнь сегодня сложна, я бы сказал, вздыбленная, взнервненная. И если мы сейчас в искусстве, в любом виде искусства, не будем опираться на красоту, то мы человека унижим и, может быть, позовем его снова к пещерам. Сегодня на экране, на мой взгляд, очень жирно, крупно, махрово выделяется мерзость, если можно так сказать. С кого делать жизнь? Меня это тревожит. Тревожит также и то, что это поддерживается, поощряется.

Наша беседа с Евгением Семеновичем Матвеевым проходила на его даче в подмосковном поселке Заветы Ильича. Шум показавшихся сосен, ребячий голоса внука и его дружок подчеркивали миролюбивое настроение художника, давая ему возможность быть открытым, быть чувствительным к моменту времени.

— Вы зрителям хорошо знакомы и как режиссер, и как актер. Но что вы для себя больше предпочитаете сами?

— Сейчас я точно знаю, что у меня две души и обе болтают одинаково. И режиссеру и актеру — отдать кому-то одному предпочтение я не могу. Только твердо знаю, что без какой-то одной из этих ипостасей жить не смогу. У меня образ мышления состоялся тот, который близок к размышлениям режиссерским, а актер — это моя чувствительность.

В искусство я пришел как актер. Потому что вырос в глухой провинции, где не было вообще театра, а кино показывали очень и очень редко. Не мог знать, что такое профессия режиссера. А актер, он-то виден. И меня это заражало, поэтому, естественно, пошел сначала на актерский факультет. А потом, уже позже, когда стал подчиняться режиссерскому диктату, когда понял все могущество этой профессии, тут-то для себя решил, что мимо нее пройти не смогу.

На съемках фильма «Поднятая целина» упал с лошади. И зашибся крепко. А потом я еще упал и получил страшную травму при падении с тачанки, выступая на одном из стадионов страны. И когда стал инвалидом, в полном смысле этого слова—два с половиной года я был прикован к постели, — врачи сказали: вам надо подумать о смене профессии. А затем вам уже не быть никогда. Даже если вы встанете. Еще находясь на больничной койке, был обложен литературой по теории режиссуры. Я черпал уроки из книг моего учителя Довженко, я учился по книгам Эйзенштейна, меня вдох-

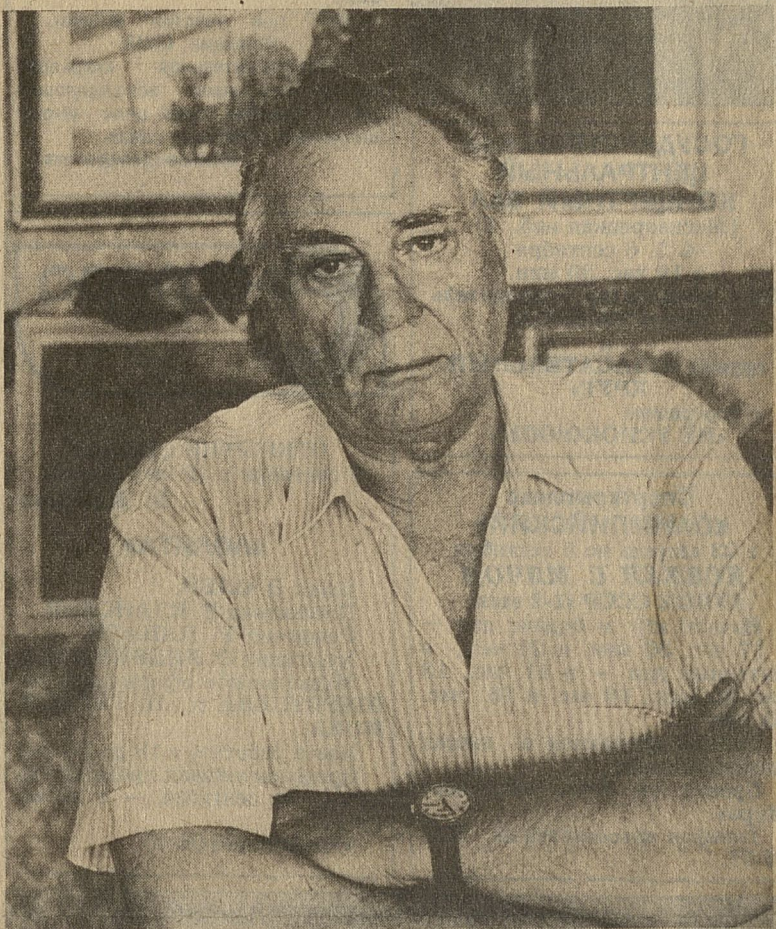
новляли философские материалы Ромма.

Одним словом, все, что было опубликовано об этом виде искусства, я изучал. Прошел какой-то отрезок времени. И уже стал двигаться, сначала на костылях, потом с палочкой, и вот мои друзья, близкие люди, догадывающиеся о моем стремлении стать режиссером, предложили мне рискнуть. И «Ленфильм» предоставил мне сценарий, но постановка не осуществилась. И

ду», я был счастлив. У меня были огромные трудности. Во-первых, попал между двух государств—СССР и ГДР. Как известно, кто платит деньги, тот и заказывает музыку. А поскольку картина была совместной, и немецкая студия «ДЕФА» дала на ее производство 3 миллиона марок, естественно, что немцы хотели, чтобы ГДР и ее политическая и социальная жизнь была широко отражена в картине. Хотя это не имело никакого отношения ни к роману, ни к нашему замыслу.

Трудно сейчас передать, что было, когда я метался между Берлином и Москвой. То тут, уговаривая в Центральном Комитете, то у них, в ЦК. И когда я однажды сказал тогдашнему секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину, что разрушается произведение и мы вынуждены до-

ЗАГНАННЫХ ЛОШАДЕЙ ... НЕ СТРЕЛЯЮТ

тут же мне Киевская киностудия, а я когда-то учился на этой студии, предложила экранизировать повесть Анатолия Калинина «Цыган».

— Если мне не изменяет память, вы там сыграли главную роль?

— Да. Это отдельная история. Конечно, я с удовольствием взялся за работу. И студия, вроде, родная, а самое главное — произведение нравилось. Я не предполагал и не мечтал играть в своем фильме. Тем более, что пока я еще ходил в жестком, «цементном» корсете, а роль требовала сцен с плясками, играми, злополучными лошадьми. Но фильм готовится очень долго. Сначала пишется сценарий, потом режиссерский сценарий, потом подготовительный период, в общем, проходит год. Я за это время попробовал несколько актеров на роль Будулая, в том числе и цыган. Но как-то все не было. А потом случилось так, что на очередную пробу приехала актриса, а актер опоздал. И поскольку я уже полюбил и это произведение, и этого героя, решил подыграть актрисе. Очевидно, наша с ней проба понравилась художнику, и они мне говорят: «Чего ты голову морочишь, играй сам».

Актер—это такое существо, оно очень жадное. Ведь психику актерской еще никто толком не занимался, никто не изучал, что это за механизм. И когда актер влюбляется в свою роль, его от нее аж током бьет. Так и я полюбил своего цыгана.

Картину «Цыган» в постановке Евгения Матвеева посмотрели 60 миллионов зрителей. По статистике, бестселлер 1988 года ленту «Интердевочка» посмотрели 30 миллионов зрителей.

— А ведь «Цыган» не детектив, не комедия. Евгений Семенович, в чем же успех картины?

— В том, что это мелодрама. Мелодрама, я считаю, один из самых трудных жанров в искусстве. Сколько через нее можно вносить добра.

— Ну хорошо, вы влюбились в образ цыгана, понятно. Но в остальных своих фильмах вы тоже играете почти все главные роли. Неужели вы такой влюбчивый?

— Актер есть скрипка, и для того, чтобы ее держать в хорошем настроении, ей все время нужна работа. Вот почему я и соединял свою режиссерскую работу с актерской.

— Один из последних ваших фильмов «Победа» оказался притчей во языцех. Да и мне самому удивительно, как Матвеев, создавший высоконравственные произведения, вдруг ставит суперконъюнктурный пафосный фильм. Как так случилось?

— Прежде всего, считаю, что с этим фильмом я опоздал. Его надо было снять еще раньше. Не надо думать, что, когда снимал «Побе-

писывать сцены, которых в сценарии нет, и это губит композицию фильма, он сказал: «Будь принципиален, но до скандала не доводи. Нам ссориться нечего, мы дружественные страны».

Вся эта ситуация во многом разрушала картину и разрушила ее. Получилось два фильма в одном. Немецкая сторона тянется, не связанная с остальными композициями...

— Евгений Семенович, вы человек с хорошим вкусом и не меньшим жизненным опытом. Неужели вы не понимали, что роман Чаковского «Победа» несовершенно произведение? Да и сам автор, как сейчас оказалось, фигура, раздутая брежневским временем?

— Я бы так о людях не говорил. А кроме того, когда ставился фильм, был пик «холодной войны». Уже пахло чуть ли не порохом. Искажалась значимость миссии советского народа во второй мировой войне. Роман Чаковского в то время пользовался не только популярностью, но и доносил до народа правду. Из всего, что говорят в фильме Сталин, Черчилль и Трумэн, ни единого слова не выдуманно ни Чаковским, ни сценаристом Труниным. Это все документы, почерпнутые из стенограмм, из протоколов, из воспоминаний участников Потсдамской конференции и Хельсинкского совещания.

Получилась картина, не получилась, а труд был титанический. Нам предстояло открыть столько граней, охватить такую масштабность времени! Да, работа меня не во всем удовлетворяла, потому что я шел против себя. Но мне хотелось максимально донести до народа правду. Все-таки эту публицистическую, я подчеркиваю, публицистическую работу посмотрели 30 миллионов.

— Но у каждого осталось свое мнение.

— И у меня есть свое мнение по поводу «Победы». И это, кроме хвалебных рецензий публицистов и политиков. Я считаю, что те, кто огульно поносил мою работу, способствовали тем, кто уже тогда начал продуманно работать на дискредитацию имен Матвеева, Чаковского и других. В заключение скажу: «Победа» — фильм не о Сталине, и не о Брежневке, как это некоторым хочется видеть, а о победе в борьбе за мир в условиях, в которые мы были поставлены историей.

Улица, на которой находится дача Матвеева, не имеет асфальтового покрытия, даже в сухую погоду здесь трудно проехать на машине. Представляю, как в дождь. Надо иметь хорошую лошадь, которая могла бы вытащить застрявшую в глине телегу.

А. НАСОНОВ.

Фото А. АЗАРОВА.